

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-6-19>

УДК 316

Attribution

cc by

**НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ОЦЕНКА И ВОСПРИЯТИЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)**

Рамазанов Р.О.

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, <https://orcid.org/0009-0001-8091-0236>

Аннотация. Статья посвящена анализу коррупции в современном дагестанском обществе. В общественном сознании существует однозначно негативное отношение к коррупции, однако, реалии свидетельствуют о том, что при критическом восприятии данного явления наблюдается «объяснение» ее проявления. Эмпирический материал свидетельствует о том, что опрошенное дагестанское население неформальную экономическую деятельность оценивает двояко, усматривая в ней «пользу и вред в равной мере», хотя треть респондентов связывает с ней исключительно отрицательные последствия для экономики. По утверждению опрошенного дагестанского населения, «теневизация экономики» республики, в сопоставлении с другими российскими субъектами, выглядит масштабнее, и она проявляется в сокрытии объема реально получаемой прибыли. Почвой «теневой экономики» является недостаточность применения законов, поэтому приоритетными направлениями в борьбе с неформальной экономической деятельностью должны быть, во-первых, «усиление борьбы с коррупцией в самих правоохранительных органах», во-вторых, «конфискация имущества не только самих коррупционеров, но и членов их семей».

Ключевые слова: коррупция, неформальная экономика, противодействие коррупции, дагестанское население, «теневая экономика», экономическая деятельность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

**INFORMAL ECONOMIC ACTIVITY: ASSESSMENT AND PERCEPTION
(BASED ON THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY)**

Rashid O. Ramazanov

Dagestan Federal Research Center

Abstract. The article is devoted to the analysis of corruption in modern Dagestan society. There is definitely a negative attitude towards corruption in the public consciousness, however, the realities indicate that with a critical perception of this phenomenon, there is an "explanation" for its manifestation. Empirical evidence shows that the Dagestani population surveyed evaluates informal economic activity in two ways, seeing it as "beneficial and harmful in equal measure," although a third of respondents associate it with exclusively negative consequences for the economy. According to the Dagestani population surveyed, the "shadow economy" of the republic, in comparison with other Russian subjects, looks bigger, and it manifests itself in hiding the amount of real profits. The ground of the "shadow economy" is the lack of application of laws, therefore, priority areas in the fight against corruption should be, firstly, "strengthening the fight against corruption in law enforcement agencies themselves," and secondly, "confiscation of property not only of corrupt officials themselves, but also of their family members."

Keywords: corruption, informal economy, anti-corruption, Dagestan population, "shadow economy", economic activity

Funding: Independent work.

Введение.

Российская власть не одно десятилетие провозглашает необходимость борьбы с коррупцией. Разумеется, обозначение наличия коррупции в российском обществе констатирует об осознании ее негативных последствий для стабильности экономики, внедрения новых моделей прогрессивного развития, недопущения формирования коррупционных взаимодействий, а также правонарушений в тех или иных социальных сферах.

Неформальная экономика, «теневая экономика», причины «теневизации экономики» являются предметом исследования не только экономистов и юристов, но и привлекает внимание социологов, ибо очень важным является диагностика социального самочувствия населения, сталкивающегося с коррупцией и посредниками, нарушающими законы.

Российское общество регулярно потрясают громкие коррупционные скандалы, особое возму-

щение у общественности вызывает существование коррупции в тех областях, которые обязаны гарантировать защиту и целостность государства. Можно утверждать, что, несмотря на множество исследований природы коррупции, по-прежнему сложно объяснить вовлеченность в коррупционные схемы должностных лиц, чиновников, которые в материальном плане являются довольно обеспеченной прослойкой.

По мнению Т.М. Безубяк, «результаты теоретического анализа проблемы коррупции показывают, что она выступает в качестве специфической формы социального взаимодействия, возникающей на основе изменения общественных ценностей и принятия в массовом сознании асоциальных установок. Такое социальное явление предполагает замещение функциональных взаимодействий, обеспечивающих реализацию общественных потребностей, в том числе практик хозяйствования, дисфункциональными практиками, узко групповыми эгоистическими притязаниями, подменяющими общественные интересы» [1, с. 66].

В общественном сознании укоренилась мысль, что коррупция больше распространена на периферии, в национальных республиках. Старшее поколение хорошо помнит, что коррупция имела широкое распространение в системе образования, особенно при поступлении в учебные заведения (техникумы, вузы), однако, с реформированием образовательной сферы и переходом на Болонскую систему, коррупционные деяния «переместились» в школьное образование. Власти в кратчайшие сроки удалось навести порядок в данной области и обеспечить прозрачность сдачи ОГЭ и ЕГЭ. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, коррупционные деяния по-прежнему существуют, только сферы их наибольшего распространения отличаются друг от друга. Если обратиться к Дагестану, то за последние несколько лет были арестованы руководители различных министерств, выявлены многомиллионные хищения. В этой связи, в рамках данной статьи анализируется отношение дагестанского населения к «теневой экономике», оцениваются ее последствия для экономического развития региона, ибо: «важной целью измерения коррупции и определения количественных показателей ее состояния в различных государствах может служить необходимость составления общей характеристики государства как единого политического института – актора международных политических и экономических процессов» [2, с. 150].

Методика исследования. Социологический опрос по изучению коррупции в Дагестане проведен в марте-апреле 2025 г. в городах и районах Республики Дагестан (Махачкала, Дербент, Каспийск, Ботлихский, Дербентский, Кизлярский, Хасавюртовский) методом случайного отбора. N=603. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 285 чел. (47,3 %), женщины – 318 чел. (52,7 %); б) возраст: 18–35 лет – 226 чел. (37,5 %), 36–65 лет – 214 чел. (35,4 %), пенсионеры по возрасту – 163 чел. (27,1 %); в) образование: среднее – 227 чел. (37,6 %), среднее специальное – 204 чел. (33,8 %), высшее – 172 чел. (28,6 %).

Обсуждение результатов исследования. Исследование неформальной экономики в разные исторические эпохи было обусловлено тем, что в обществе происходили и происходят сложные и противоречивые процессы, которые формируют различные модели экономической деятельности, в свою очередь, способствующие появлению деструктивных регуляторов, последние, как правило, пытаются подменить законодательные акты и предписания.

Понятие «неформальная экономика» в науку ввел в 1971 г. К. Харт, который на примере африканского государства (Гана) проанализировал специфику занятости местного населения, который не был включен в официальный рынок труда [3]. Необходимо отметить, что неформальная экономика хорошо исследована в отечественной науке, в частности, в работах С.Ю. Барсуковой [4], В.В. Волкова [5], Л.А. Колесниковой [6], С. Кордонского [7], Ю.В. Латова [8], Т. Шанина [9] и др. Неформальная экономика дагестанского общества освещена М.А. Расуловым [10].

В науке под неформальной экономикой понимают «совокупность видов хозяйственной деятельности, полностью или частично не подчиненных государственному регулированию, не подкрепленных формальными контрактами и не фиксируемых статистическим и налоговым учетом. То есть это экономика, не регулируемая непосредственно государственными правилами и законами» [11, с. 31]. В исследовании неформальной экономики выделяют 3 направления: а) статистическое, б) структурное и в) институциональное.

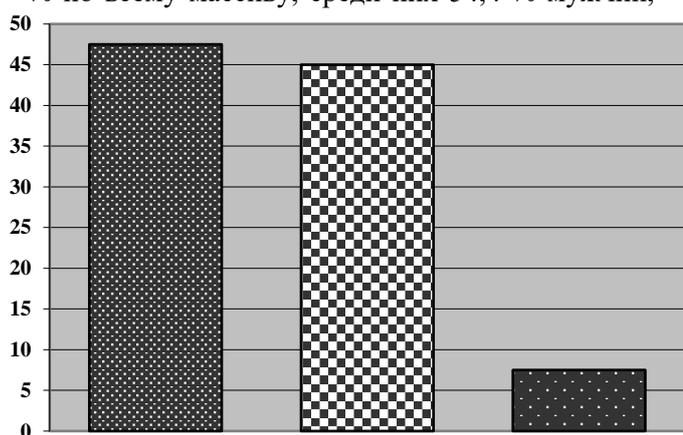
В рамках исследования коррупции в современном дагестанском обществе, в анкету опроса был включен вопрос, позволяющий выявить характеристику неформальной экономики. Так, полученный на вопрос: «Как Вы считаете, в

целом неформальная (официально не зарегистрированная) экономическая деятельность приносит обществу сейчас больше пользы или вреда?» эмпирический материал показывает преобладание в массовом сознании 52,5 % опрошенного дагестанского населения точки зрения двойко воспринимающей неформальную экономическую деятельность с мотивом, что она приносит «пользу и вред в равной мере». Анализ по социально-демографическим признакам констатирует преобладание придерживающихся данной позиции в женской подгруппе (58,1 %) против 41,9 % мужчин, с возрастом процентный показатель уменьшается с 42,9 % в интервале 36–65 лет до 17,8 % пенсионеров по возрасту. По уровню образования и социальному положению опрошенных «пользу и вред в равной степени» от неформальной экономики усматривают 25,1 % респондентов со средним, 37,5 % средним специальным, 38,0 % высшим образованием, 36,2 % служащих государственного и существенно большая часть сотрудников частного сектора (53,7 %). При этом 32,5 % опрошенных по всему массиву указали, что неформальная экономическая деятельность приносит обществу сейчас больше вреда, среди них 49,7 % мужчин, 50,3 % женщин, 30,8 % в подгруппе 18–35 лет, 41,0 % 36–65 лет, 28,2 % пенсионеров, 18,5 % со средним, 34,4 % средним специальным, 47,2 % высшим образованием, 52,8 % служащих госсектора и 45,6 % частного сектора экономики. При этом, в сопоставлении с другими суждениями, заметно меньшая часть опрошенных усматривает в неформальной экономике «больше пользы» – 15,0 % по всему массиву, среди них 54,4 % мужчин,

50,0 % в интервале 36–65 лет, с повышением уровня образования увеличивается процент с 24,4 % имеющих среднее образование до 36,7 % с высшим образованием. Обращает внимание, что пользу в неформальной экономической деятельности больше видят работники частного сектора, в сравнении, с государственным – 86,7 % и 13,3 %, соответственно.

Таким образом, полученный результат констатирует своего рода «понимание» неформальной экономической деятельности, «оправдание» ее существования. Чем вызвана такая позиция? По мнению автора, тем, что люди привыкли «участвовать» в коррупционных действиях, элементарно, начиная с получения гарантированных государством услуг. Можно утверждать, что сложилась своего рода «культура коррупции» в форме «отблагодарить» нужного человека: «именно бюрократизм и коррупция являются главной причиной того, что экономические и социальные программы дают низкий эффект... бюрократизм оценивается россиянами, в сравнении с коррупцией, как менее опасное явление» [12, с. 130].

В Дагестане, естественно, существует коррупция и люди, кто сознательно, кто «вынужденно» вступают в коррупционную схему. В этой связи, в рамках исследования выраженности коррупции в современном дагестанском обществе, научный интерес представляет оценка опрошенным дагестанским населением масштаба «теневых отношений» в республике, в сопоставлении с другими российскими субъектами (см. гист. № 1).

- В Дагестане уровень «теневых отношений» выше, чем в других российских регионах
- В Дагестане уровень «теневых отношений» такой же, как и в других российских регионах
- В Дагестане уровень «теневых отношений» ниже, в сравнении с другими российскими регионами

Гистограмма 1.

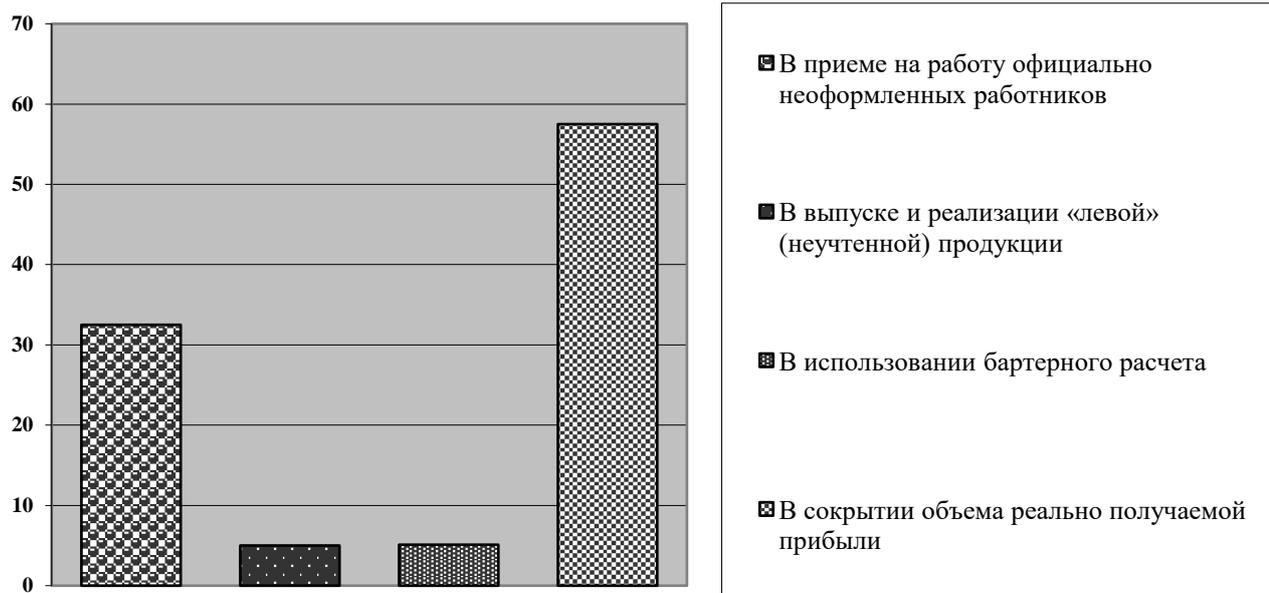
Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, каков уровень развитости "теневых отношений" в Дагестане, по сравнению с другими регионами России?» (%).

Приведенный в гистограмме материал показывает, что 47,5 % опрошенных дагестанцев придерживаются позиции «в Дагестане уровень "теневых отношений" выше, чем в других российских регионах», среди них 37,2 % в возрасте 18–35 лет, 44,2 % в подмассиве 36–65 лет, пенсионеров заметно меньше (18,6 %). С повышением образовательного статуса респондентов наблюдается рост отметивших, что «теневые отношения» в нашей республике больше распространены, чем в других российских регионах: 13,7 % со средним, 40,0 % средним специальным и 46,3 % высшим образованием. С небольшой разницей второе ранговое место занимает суждение «в Дагестане уровень "теневых отношений" такой же, как и в других российских регионах» – 45,0 % по всему массиву, из них 38,9 % мужчин, женщин заметно больше (61,1 %), 33,7 % в возрастной подгруппе 18–35 лет, 43,0 % 36–65 лет, 23,3 % пенсионеров, 25,2 % имеющих среднее, 33,7 % среднее специальное и 41,1 % высшее образование. В сравнении с предыдущими суждениями, вариант ответа «в Дагестане уровень "теневых отношений" ниже, в сравнении с другими российскими регионами» отмечен 7,5 % опрошенных, с повышением возраста и уровня образования процент придерживающихся данной позиции уменьшается с 31,1 % в интервале 18–35 лет до 8,9 % в подмассиве пенсионеров, с 66,7 % имеющих среднее образование до 1,2 % с высшим образованием.

Далее, в исследовании был задан «контрольный вопрос», позволяющий получить информацию о проявлении «теневой экономики» в Дагестане (см. гист. № 2).

Гистограмма 2.

Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, в чем проявляется "тенизация" экономических отношений в современном дагестанском обществе?» (%).

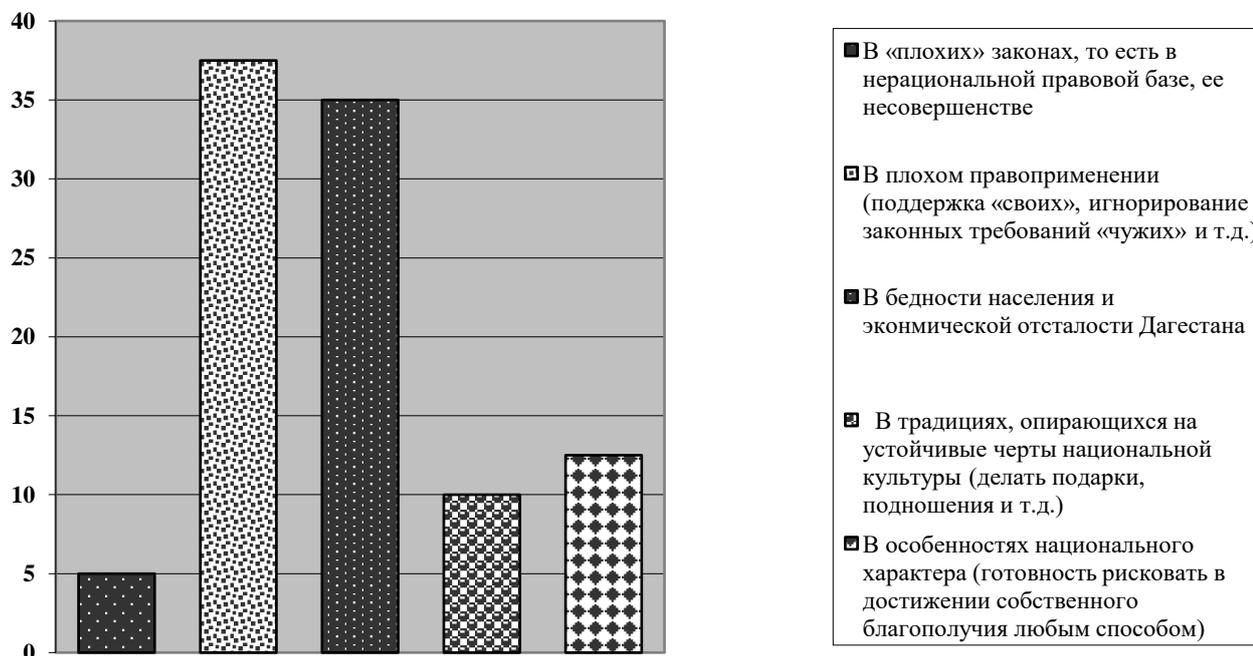

Аналитический материал показывает, что, по мнению 57,5 % опрошенных, «тенизация» экономических отношений в современном дагестанском обществе выражается «в сокрытии объема реально получаемой прибыли», что наблюдается в частном секторе, когда в трудовом соглашении указывается одна сумма, в реальности работник получает другую. Целью сокрытия доходов является желание снизить сумму налогового отчисления. Следующим проявлением неформальной экономики в Дагестане 32,5 % опрошенных считают «прием на работу официально неоформленных работников», среди них 40,0 % мужчин, 60,0 % женщин, 44,1 % в подгруппе 18–35 лет, 36,9 % 36–65 лет, 19,0 % пенсионеров, 21,0 % со средним, 48,7 % средним специальным и 30,3 % высшим образованием. Индикаторы «тенизации» экономических отношений в современном дагестанском обществе, как «выпуск и реализация "левой" (неучтенной) продукции» и «использование бартерного расчета» отмечены 5,0 % и 5,1 %, соответственно.

При изучении неформальной экономики возникает вопрос о причинах ее появления (см. гист. № 3).

Гистограмма 3.

Распределение ответов на вопрос: «В чем, на Ваш взгляд, заключается основа скрытых ("теневых") экономических отношений в Дагестане?» (%)»

По мнению 37,5 % опрошенного дагестанского населения, причина «теневой экономики» заключается в «плохом правоприменении (поддержка "своих", игнорирование законных требований "чужих" и т.д.)». Анализ по социально-демографическому срезу показывает, что данное суждение ближе 31,1 % опрошенных в подмассиве 18–35 лет, 36,0 % 36–65 лет, 32,9 % пенсионеров, 14,7 % со средним, 41,3 % средним специальным, 44,0 % высшим образованием, 50,7 % служащих госсектора и 41,8 % частного сектора.

С небольшой разницей второе место занимает вариант ответа усматривающий основу «теневой экономики» «в бедности населения и экономической отсталости Дагестана», отмеченный 35,0 % респондентов по всему массиву, среди них 43,8 % в интервале 18–35 лет, 47,1 % в подмассиве 36–65 лет; с ростом образовательного статуса увеличивается процентный параметр с 29,0 % имеющих среднее образование до 40,5 % с высшим образованием. Далее, причиной коррупционных действий 12,5 % опрошенных называют «особенности национального характера (готовность рисковать в достижении собственного благополучия любым способом)», среди них 34,7 % мужчин, 65,3 % женщин, 34,7 % в возрасте 18–35 лет, 36,0 % в подмассиве 36–65 лет 29,3 % пенсионеров по

возрасту, 26,7 % со средним, 40,0 % средним специальным и 33,3 % высшим образованием.

Следующим фактором «скрытых» экономических отношений 10,0 % опрошенного дагестанского населения считает «традиции, опирающиеся на устойчивые черты национальной культуры (делать подарки, подношения и т.д.)». Данный факт имеет широкое распространение в дагестанском обществе: «правилом хорошего тона» считается «отблагодарить» врача, учителя, преподавателя, вообще посредника в решении возникающих проблем. Более того, «неполучение благодарности» рассматривается как проявление «неуважения человека», который содействовал позитивному решению возникшей проблемы. Иными словами, это есть проявление бытовой коррупции, «с которой сталкиваются рядовые россияне при общении, например, с медицинскими учреждениями, учебными заведениями (школами, детсадами и вузами), органами жилищно-коммунального хозяйства и контроля (санэпидемстанции, ГИБДД и т.д.), приводит к тому, что во всех этих сферах зачастую происходит вытеснение способных молодых людей, специалистов, профессионалов и управленцев. Их высокие качества "уступают" конкуренцию коррупции. В результате способные ученики не попадают в хорошие школы, одаренные студенты – в высокочестируемые вузы,

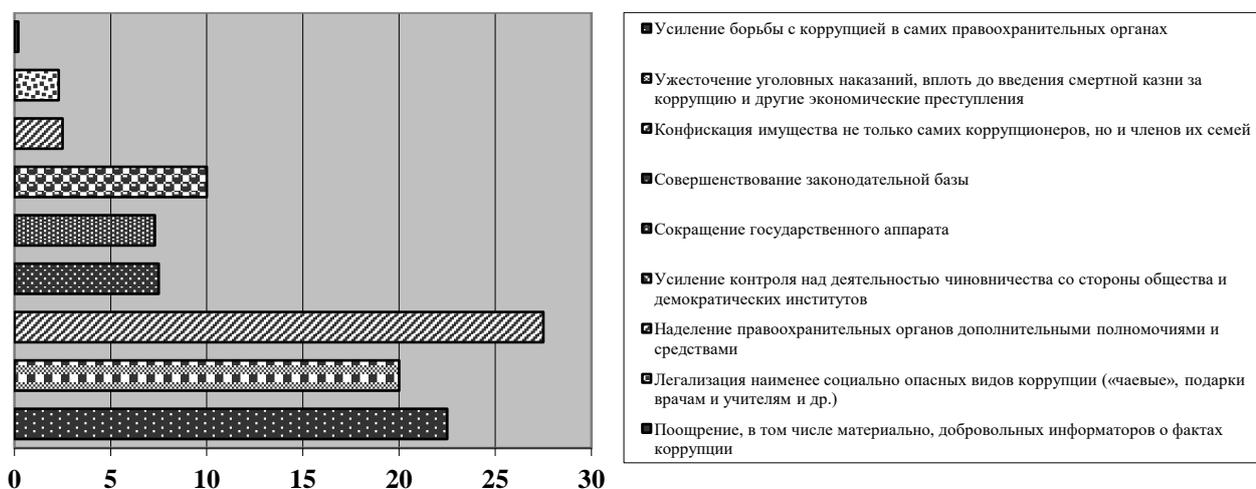
специалисты и менеджеры не занимают те позиции, которые должны были бы занять в силу своих способностей и профессиональных качеств» [13, с. 68].

По социально-демографическому срезу на «традицию» подношений указывают 38,3 % мужчин, 61,7 % женщин, 35,0 % в интервале 18–35 лет, 60,0 % 36–65 лет, 31,7 % имеющих среднее, 40,0 % среднее специальное и 28,3 % высшее образование. Дальнейший анализ показывает, что 5,0 % респондентов по всему массиву, основу существования «теневых» экономических отношений в Дагестане связывают с наличием «"плохих" законов, то есть в нерациональной правовой базе, ее несовершенстве». С возрастом уменьшается доля придерживающихся данной позиции с 36,7 % в интервале 18–35 лет до 6,7 % пенсионеров, и, наоборот, с повышением уровня образования увеличивается процентный параметр с 13,3 % имеющих среднее образование до 56,7 % с высшим образованием.

Каков масштаб коррупции в обществе? – ключевой вопрос в исследовании, поэтому важным является выявление степени ее распространенности и проникновения в поведение человека; то есть, насколько сформировано коррупционное и антикоррупционное поведение. Эмпирический материал на вопрос «Как Вы думаете, за прошедший период уровень коррупции в Дагестане...?» показывает, что, по мнению 40,0 % опрошенного дагестанского населения, уровень коррупции «остался на прежнем уровне», среди них 37,1 % мужчин, доля женщин существенно больше и составляет 62,9 %. По возрасту и образованию ответы распределились следующим образом: 37,1 %

в разрезе 18–35 лет, 41,3 % 36–65 лет, 21,7 % пенсионеров, 30,4 % со средним, 30,8 % средним специальным и 38,8 % высшим образованием. По мнению 27,5 % опрошенных по всей выборке, в последнее время коррупция в республике увеличилась и эту позицию разделяют 49,7 % мужчин, 50,3 % женщин, 32,7 % в подгруппе 18–35 лет, 43,6 % в разрезе 36–65 лет, 23,6 % пенсионеров, 26,1 % имеющих среднее, 38,8 % среднее специальное и 35,2 % высшее образование. С разницей в сотые (27,6 %) респонденты считают, что коррупция «в каких-то сферах повысилась, в каких-то снизилась» и эта точка зрения ближе 52,7 % мужчин, 47,3 % женщин, 40,6 % в подгруппе 18–35 лет, 43,0 % в разрезе 36–65 лет, 16,4 % пенсионеров, 10,3 % со средним, 43,6 % средним специальным, 46,1 % высшим образованием. При этом 5,0 % опрошенных по всему массиву указывают на уменьшение коррупции в Дагестане, среди них 40,0 % мужчин, 60,0 % женщин, 33,3 % в интервале 18–35 лет, 60,0 % в разрезе 36–65 лет, 6,7 % пенсионеров, 13,3 % имеющих среднее, 33,3 % среднее специальное и 53,3 % высшее образование.

Установление причин «тенивизации» экономики, появления неформальной экономики, распространенности коррупции в современном дагестанском обществе, естественно, предполагает выявление методов и средств борьбы, а также минимизации данного деструктивного социального явления, которое угрожает национальной безопасности Российского государства (см. гист. № 4).

Гистограмма 4.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, как можно бороться с коррупцией в Дагестане?» (%).

Суждение «усиление борьбы с коррупцией в самих правоохранительных органах» как средство борьбы с коррупцией обозначено 22,5 % респондентов по всему массиву, среди них 43,0 % мужчин, 57,0 % % женщин, 28,9 % в подгруппе 18–35 лет, 33,3 % в разрезе 36–65 лет, 37,8 % пенсионеров, 9,6 % со средним, 47,4 % средним специальным и 43,0 % высшим образованием. С «конфискацией имущества не только самих коррупционеров, но и членов их семей» ликвидацию коррупции связывают 27,5 % опрошенных дагестанцев, по социально-демографическому срезу ответы распределились следующим образом: 40,6 % мужчин, 59,4 % женщин, 45,5 % в подгруппе 18–35 лет, 43,6 % в разрезе 36–65 лет, 10,9 % пенсионеров, 42,4 % со средним, 20,0 % средним специальным, 37,6 % высшим образованием. По значимости третье место занимает вариант ответа «ужесточение уголовных наказаний, вплоть до введения смертной казни за коррупцию и другие экономические преступления», подчеркнутое 20,0 % респондентов по всей выборке. Анализ по подгруппам показывает уменьшение процента с повышением возраста с 51,7 % в интервале 36–65 лет до 7,5 % пенсионеров, по образованию одна треть опрошенных во всех подгруппах. Каждый десятый опрошенный по всему массиву средством борьбы с коррупцией считает «усиление контроля над деятельностью чиновничества со стороны общества и демократических институтов (СМИ, общественные организации, политические партии)», то есть возлагает большие надежды на публичность освещения коррупции. Придерживающихся данной позиции, в сравнении, больше в возрасте 36–65 лет (60,0 %) и подгруппе с высшим

образованием (56,7 %). Суждения «совершенствование законодательной базы», «сокращение государственного аппарата», «наделение правоохранительных органов дополнительными полномочиями и средствами», «легализация наименее социально опасных видов коррупции ("чаевые", подарки врачам и учителям и др.)», «поощрение, в том числе материально, добровольных информаторов о фактах коррупции» отмечена существенно меньшей частью респондентов – 7,5 %, 7,3 %, 2,6 %, 2,5 %, 0,2 %, соответственно.

Заключение.

Проведенное исследование констатирует отсутствие четкой позиции в общественном сознании опрошенных дагестанцев при характеристике неформальной экономической деятельности. Так, подавляющая часть респондентов в равной степени усматривает в неформальной экономике «позитивные» и «негативные» тенденции, хотя неформальная экономика представляется отрицательным социальным явлением, которое дестабилизирует экономическую основу государства.

Респонденты придерживаются позиции о большей распространенности «теневой экономики» в республике, при этом причинами ее существования считают «плохое правоприменение» и «бедность населения и экономическую отсталость Дагестана».

Выражением «тенивизации экономики» опрошенное дагестанское население считает «сокрытие объема реально получаемой прибыли» о чем неоднократно говорят на официальном уровне. Критике подвергаются развлекательные центры, частный туристический сектор, объекты общепита, которые в должной мере не производят выплаты в бюджет республики.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Безубяк Т.М. *Формирование готовности учащихся профессионального лица к антикоррупционному поведению // Человек и образование. 2010. № 3(24). С. 66–69.*
2. Нисевич Ю.А., Шухова А.А., Стукал Д.К. *Методологические проблемы измерения коррупции // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 149–162.*
3. Hart K. *Informal economy opportunities and the urban employment in Ghana // Journal of Modern Africa Studies. 1973. Vol. 11. N 1.*
4. Барсукова С. Ю. *Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004. – 446 с.*
5. Волков В. В. *Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.*
6. Колесникова Л.А. *Неформальный сектор: издержки «переходности» или отражение социального самосознания // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 48–65.*

7. Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.
8. Латов Ю. В. Экономика вне закона: Очерки по теории и истории теневой экономики. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 280 с.
9. Шанин Т. Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, 1999. – 574 с.
10. Расулов М.А. Неформальная экономическая деятельность: нравственная и экспертные оценки (по материалам социологического исследования). Махачкала: Алеф, 2010. – 80 с.
11. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 31–39.
12. Латов Ю.В. «Глас народа» о проблемах коррупции: закономерное и парадоксальное // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 2. С. 123–138.
13. Клейнер В.Г. Кризис и коррупция: взаимосвязь и перспективы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 63–77.

References:

1. Bezubyak T.M. Formation of the readiness of students of a professional lyceum for anti-corruption behavior // *Man and education*. 2010. No. 3(24). pp. 66-69.
2. Nisnevich Yu.A., Shukhova A.A., Stukal D.K. Methodological problems of measuring corruption // *Social Sciences and modernity*. 2016. No. 3. pp. 149-162.
3. Hart K. Informal economy opportunities and the urban employment in Ghana // *Journal of Modern African Studies*. 1973. Vol. 11. N 1.
4. Barsukova S. Y. Informal economy: an economic and sociological analysis. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2004. – 446 p.
5. Volkov V. V. Power entrepreneurship: an economic and sociological analysis. Moscow: Higher School of Economics, 2005.
6. Kolesnikova L.A. Informal sector: costs of "transitivity" or reflection of social self-awareness // *Social sciences and modernity*. 2002. No. 5. pp. 48-65.
7. Kordonsky S. The estate structure of post-Soviet Russia. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2008. – 216 p.
8. Latov Yu.V. Economics outside the law: Essays on the theory and history of the shadow economy. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation, 2001. 280 p.
9. Shanin T. Informal economy. Russia and the world. Moscow: Logos, 1999. 574 p.
10. Rasulov M.A. Informal economic activity: moral and expert assessments (based on the materials of sociological research). Makhachkala: ALEF, 2010. – 80 p.
11. Barsukova S.Y. Informal economy: concept, history of study, research approaches // *Sociological research*. 2012. No. 2. pp. 31-39.
12. Latov Yu.V. "The voice of the people" on the problems of corruption: natural and paradoxical // *Economic Bulletin of Rostov State University*. 2008. Vol. 6. No. 2. pp. 123-138.
13. Kleiner V.G. Crisis and corruption: interrelation and prospects // *Social Sciences and modernity*. 2015. No. 3. pp. 63-77.

Информация об авторе:

Рамазанов Рашид Омаревич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, rashram@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8091-0236>;
Rashid Omarievich Ramazanov, Ph.D. in Political Sciences, Researcher, Dagestan Federal Research Center.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.05.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.06.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.